

УДК 342.3

УЧАСТИЕ УКРАИНЫ В КОНВЕНЦИЯХ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, СОВЕТА ЕВРОПЫ И СНГ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Светлана ВОЗНЮК,

соискатель кафедры международного права
Украинского государственного университета финансов и международной торговли

SUMMARY

The article provides a legal analysis of existing regional agreements against cross-border economic crimes. The author gives a legal qualification to the importance of the role of Ukraine in combating transnational economic crimes. In the research paper is displayed a conflict arising between the European Conventions and the CIS, ratified by Ukraine. The author draws certain conclusions about the advantages and disadvantages of such agreements.

Key words: transnational economic crime, international cooperation, global order, global security, economic crime, international economic law, human rights and conflict.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правовому анализу существующих региональных соглашений в области борьбы с трансграничной экономической преступностью. В статье обосновывается важность роли Украины в процессе борьбы с экономическими преступлениями транснационального характера. Показано коллизии, возникающие между Европейскими конвенциями и конвенциями Содружества Независимых Государств, ратифицированными Украиной. В исследовании сделаны выводы относительно недостатков и преимуществ таких соглашений.

Ключевые слова: транснациональная экономическая преступность, международное сотрудничество, общемировой правопорядок, глобальная безопасность, экономическая преступность, международное экономическое право, права человека, коллизия.

Постановка проблемы. Актуальность данной проблемы заключается в том, что в последние годы все более выделяется область международного сотрудничества в борьбе с преступностью – борьба с трансграничной экономической преступностью. Внимание к данной категории преступлений объясняется особым положением, которое она занимает в структуре преступности. Такая преступность не только имеет самостоятельный характер, но и выполняет важнейшую функцию сокрытия и легализации доходов, возникших от иных видов преступной деятельности. При этом трансграничный характер экономической преступности заставляет уделять особое внимание созданию условий для наступления неотвратимости наказания. Одним из важнейших правовых механизмов, служащих такой цели, является правовая помощь. При этом в Европе происходит формирование особого правового пространства, где действуют региональные конвенции, в том числе касающиеся борьбы с преступностью и устанавливающие особые условия оказания правовой помощи.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных, философских и специальных методов научного познания, применение которых позволило обеспечить достоверность полученных результатов, достижения сформулированных

целей и задач исследования. В Украине в последнее время проводились исследования различных аспектов оказания международной правовой помощи, в частности О.И. Виноградовой (уголовно-процессуальные аспекты) [1, с. 90–93], С.М. Выхрестом [2, с. 57–60], М. Аль-Шбулем [3, с. 509–511], О.В. Киевец (международно-правовые аспекты) [4, с. 79–81]. Однако они имели своим предметом преимущественно исследование универсальных механизмов экстрадиции, не обращаясь специально к особенностям европейской практики, особенно в отношении выдачи по отдельным категориям преступлений.

Изложение основного материала. Экономическая преступность не является чем-то неведомым или экзотическим ни для одного из государств мира. Но в странах с переходной экономикой масштабы этой преступности имеют фантастический размах. Например, в России в последние годы удельный вес теневой экономики, которая является почвой для экономической преступности, составляет по разным оценкам от 50 до 70% валового внутреннего продукта [5, с. 32]. В Украине теневая экономика за последние 25 лет выросла не менее чем в 30 раз, а в отдельных отраслях – в 60 раз [6, с. 28].

В то же время международно-правовое сотрудничество в борьбе с экономической преступностью нельзя назвать динамично развивающейся областью межгосу-

дарственных отношений. Специальных универсальных международных договоров здесь пока не заключено, и сотрудничество опирается преимущественно на региональные соглашения. В Европе единственным международным договором, направленным на унификацию уголовного законодательства в борьбе с экономической преступностью, является Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем (об отмывании «грязных» денег) [7, с. 17]. Иные двусторонние и многосторонние договоры касаются сотрудничества органов по поддержанию правопорядка в расследовании преступлений и в производстве экстрадиции. Наиболее значимыми из тех, в которых участвует Украина, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [8] (далее – Конвенция СНГ), Европейская конвенция о выдаче 1957 г. [9], Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам [10]. Безусловное значение для борьбы с экономической преступностью имеют директивы, принимаемые органами Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС).

Например, Совет ЕС совместно с Европарламентом в 2001 году, вслед за тем как происходило развитие форм и методов отмывания денег, наблюдавшимся в 90-х годах XIX века, принял новую директиву 2001/97/ЕС, которая существенно изменила и дополнила директиву 91/308/ЕЕС («вторую директиву ЕС»). Необходимо при этом заметить, что в момент принятия второй директивы ЕС было очевидно, что в скором времени законодательство ЕС в сфере борьбы с отмыванием нелегальных доходов вновь потребует изменения. Нарастание темпов борьбы с трансграничной экономической преступностью в международном масштабе (в том числе путем принятия многосторонних конвенций ООН о борьбе с транснациональной организованной преступностью и коррупцией, издания новой редакции «40 рекомендаций» ФАТФ), а также резкая активизация усилий государств и международных организаций по противодействию финансированию терроризма (основанных, в первую очередь, на соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН) потребовали внесения существенных корректив в нормы ЕС в рассматриваемой сфере [11].

После, Европейская комиссия представила проект новой директивы Совета ЕС и Европарламента по вопросам борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в июне 2004 года. После состоявшихся дискуссий по тексту проекта и проведенных доработок 26 октября 2005 года Совет ЕС совместно с Европарламентом утвердил директиву 2005/60/ЕС «О предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег и финансирования терроризма» («третья директива») [12, с. 15–36].

При этом появляется вопрос, согласно которому интересным есть то, что же изменилось после принятия третьей директивы ЕС в исследуемой проблеме.

В первую очередь, это, как следует уже из названия самой директивы, она нацелена не только на предотвращение отмывания преступных доходов, но и на противодействие финансированию терроризма. Так, согласно с п. 4 ст. 1 директивы [12, с. 15–36] под финансированием терроризма для целей директивы понимается «предоставление или сбор средств, любыми способами, прямо или косвенно, с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 1–4 Рамочного решения Совета ЕС от 13 июня 2002 года 2002/475/ЈНА о борьбе с терроризмом».

Также изменилось определение понятия отмывания преступных доходов. Например, применительно к объекту этого преступления – преступным доходам – директива содержит новеллу, согласно которой в перечень «имущества» прямо включены юридические документы, выраженные в электронной и цифровой форме, удостоверяющие права на какое-либо имущество. Таким образом, запись по счету, существующая исключительно в электронной форме и удостоверяющая право какого-либо лица на получение денежных средств, должна отныне также рассматриваться в качестве «имущества» для целей директивы.

Помимо этого, объект отмывания преступных доходов расширен третьей директивой за счет увеличения перечня так называемых «серьезных» (тяжких) преступлений (*serious crimes*). В последний дополнительно включены преступления, предусмотренные ст. ст. 1–4 Рамочного решения Совета ЕС от 13 июня 2002 года 2002/475/ЈНА о борьбе с терроризмом, а также все иные преступления, за которые максимальный порог наказания превышает один год ареста или лишения свободы, либо (в зависимости от применяемой в государствах-членах ЕС системы наказаний) минимальный порог наказания превышает шесть месяцев ареста, или лишения свободы.

Как и предыдущие директивы, третья директива ЕС основана на предположении о том, что важнейшую роль в борьбе с отмыванием денег должны играть лица, в отношении которых существует риск вовлечения их в процесс отмывания денег. В развитие этого тезиса третья директива требует от всех лиц, попадающих под действие ее положений, разработки внутренних процедур сбора информации и контроля за операциями клиентов, предоставления сообщений компетентным органам, хранения полученной информации и документации, оценки и управления рисками, проверки соблюдения требований с целью наиболее эффективного предотвращения операций, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма. При этом в отличие от предыдущих директив, третья директива требует от кредитных и финансовых учреждений распространения таких внутренних процедур также на филиалы и

дочерние юридические лица, расположенные в третьих странах [11].

Особенной является ст. 36, которая вводит требование об обязательной регистрации или лицензировании казино, пунктов обмена валют, а также компаний, оказывающих услуги по созданию и юридическому сопровождению компаний и трастов. Кроме того, требование обязательной регистрации и лицензирования должно быть распространено государствами-членами ЕС и на конторы, осуществляющие денежные переводы [12, с. 15–36]. При этом необходимо иметь в виду, что указанное положение направлено прежде всего на взятие под контроль со стороны государств так называемых систем «альтернативных» денежных переводов (alternative remittance systems), таких как «hawala», «hundi», «black market peso exchange» и других, действие которых в настоящее время в большинстве случаев остается вне поля зрения государственных органов. Необходимо отметить, что эффективность таких общих мер в силу сложившихся в ряде государств и национальных общин (расположенных на территории нескольких государств) традиционных и весьма устойчивых систем неформальных альтернативных денежных переводов, по-видимому, будет невысокой.

Также в вопросах об ответственности лиц за нарушение национальных правил, которые были приняты для исполнения норм директивы, третья директива ЕС содержит очень интересное нововведение, согласно которому юридические лица должны привлекаться к ответственности не только за действия своих органов, но и в случае, если нарушения совершены «в их пользу» любым лицом, действующим от имени этого юридического лица по доверенности, либо имеющим право принимать решения от имени этого юридического лица, либо иным образом контролирующим деятельность такого юридического лица. Таким образом, с этого времени юридические лица государств-членов ЕС должны быть очень бдительными в вопросе выдачи доверенностей физическим лицам и выборе своих руководителей [11].

Юридическая сила директив распространяется только на государства-члены ЕЭС, но это не значит, что эти документы можно не учитывать в отношениях с такими государствами.

Кроме указанных документов, могут иметь значение и такие международно-правовые акты, а также международно-правовая практика, которые на первый взгляд непосредственно не имеют отношения к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью. Такова, например, практика Европейского суда по правам человека в толковании ст. 2 (право на жизнь) [13, с. 17–32] и ст. 3 (запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания) [14, с. 93–107] Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Она основывается на запрете производить выдачу

в государства, в которых лицу угрожает смертная казнь, насильственное исчезновение, преследование по признаку расы, цвета кожи, по политическим, религиозным убеждениям. Исследователи в этой связи отмечают, что практика международной защиты прав человека объективно осложнила экстрадиционные процессы. Эффективность выдачи стала зависеть от достижения баланса между получением согласия на экстрадицию и гарантированием неприменения к выдаваемому запрещенных средств воздействия или наказания [15, с. 20]. Соответствующих положений нет в Конвенции СНГ о правовой помощи, и это не было заявлено в качестве оговорки при ратификации Конвенции Верховной Радой Украины. Отсутствует соответствующее положение и в европейских конвенциях о выдаче, и в двух дополнительных протоколах к ней, и в Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам. Примечательно, что Украина заявила об оговорке к последней из названных конвенций относительно дополнительных условий отказа в оказании правовой помощи, связанных с возможностью преследования [16]. Но Украина так и не сделала такой оговорки относительно экстрадиции. Из этого не должно следовать, что государство, в том числе Украина, не вправе осуществлять экстрадицию при наличии угрозы преследования по признаку расы, цвета кожи, политическим, религиозным убеждениям. Основанием для отказа в экстрадиции в данном случае должна быть Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Следует также иметь в виду, что Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, не содержит самостоятельных положений об экстрадиции, а имеющиеся в ней нормы о правовой помощи являются специальными в отношении более общих норм и процедур, содержащихся в Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам. Поэтому межгосударственное сотрудничество в борьбе с экономической преступностью основывается на комплексе международно-правовых актов.

Некоторые вопросы применения международных договоров для борьбы с экономической преступностью являются коллизионными, что может затруднять международное сотрудничество.

Так, может возникнуть коллизия между Конвенцией СНГ о правовой помощи и европейскими конвенциями о взаимной помощи по уголовным делам (1959 г.) и о выдаче (1957 г.). Это связано прежде всего с тем, что между конвенциями существует иерархия не в зависимости от времени подписания, а в зависимости от установленной в европейских конвенциях их юридической силы. В ст. 26 Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам [17] и в ст. 28 Конвенции о выдаче [18] установлено, что в отношении государств, к которым применяются Конвенции, прекращают действие положения любого иного международного договора,

которые регулируют взаимную помощь по уголовным делам или выдачу. Из приведенного замечания следуют несколько выводов, имеющих отношение к борьбе с экономической преступностью.

Во-первых, возникает коллизия между п. «а» ст. 2 Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам [19] и ст. 57 Конвенции СНГ о правовой помощи [20]. Европейская конвенция предоставляет государствам право отказывать в правовой помощи по налоговым правонарушениям. Такого права у государств нет в соответствии с Конвенцией СНГ, но в случае если оба государства-участники правовой помощи являются сторонами и Конвенции СНГ, и Европейской конвенции, каждое из них вправе ссылаться на Европейскую конвенцию для защиты своих интересов.

Во-вторых, возникает коллизия между п. 1 ст. 2 Конвенции о выдаче [21] и п. 3 ст. 56 Конвенции СНГ о правовой помощи [22]. По Европейской конвенции выдача может производиться, если минимальный срок лишения свободы за совершенное преступление составляет не менее 4 месяцев, а по Конвенции СНГ – не менее 6 месяцев. При внешней незначительности расхождения возникает юридически не вполне ясная ситуация: одно и то же лицо за совершение одного и того же преступления по одной конвенции может быть выдано, а по другой – нет. В данном случае существует безусловная необходимость согласования размеров санкций в виде лишения свободы в уголовном законодательстве государств и устранения коллизии Конвенции СНГ с Европейской конвенцией путем подписания дополнительного протокола к Конвенции СНГ.

В-третьих, ст. 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче содержит норму о порядке выдачи за совершение финансового правонарушения, чего нет в рассматриваемой Конвенции СНГ. В этом случае, если оба государства-участники правовой помощи являются сторонами и Конвенции СНГ, и Европейской конвенции, каждое из них вправе ссылаться на Европейскую конвенцию для защиты своих интересов [23].

Конвенция о взаимной помощи по уголовным делам и Конвенция о выдаче несомненно более полно, чем Конвенция СНГ о правовой помощи, описывают основания выдачи и основания для отказа в выдаче. Более полное участие в европейских конвенциях, безусловно, связано с необходимостью более высокого уровня унификации уголовного законодательства, чем это требуется для сотрудничества в рамках Конвенции СНГ о правовой помощи. В частности, применительно к условиям экстрадиции за финансовые правонарушения (ч. 1 ст. 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче) выдача производится «если правонарушение, по законодательству запрашиваемой стороны, соответствует правонарушению такого же характера». В условиях правового государства, где контроль за экстрадицией осуществляет независимый суд, формальные

расхождения в формулировании специфических составов преступлений в финансово-экономической сфере в уголовных законах разных государств могут иметь следствием блокирование не только экстрадиции, но и производство отдельных следственных действий по запросам иностранных следственных органов [24].

Выводы. Таким образом, можно прийти к следующим выводам о причинах коллизионности в процедурах оказания правовой помощи и выдачи по европейским международным договорам о борьбе с трансграничными экономическими преступлениями и констатировать наличие в них ряда правовых коллизий. Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, не содержит самостоятельных положений об экстрадиции, что вынуждает применять для выдачи по данной категории преступлений другие международные договоры. Участие Украины в двух международно-правовых системах правовой помощи создает коллизию между Конвенцией СНГ о правовой помощи и европейскими конвенциями о взаимной помощи по уголовным делам (1959 г.) и о выдаче (1957 г.). При этом европейские конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Конвенция о выдаче несомненно более полно, чем Конвенция СНГ о правовой помощи, описывают основания выдачи и основания для отказа в выдаче. Указанные коллизии юридически не могут быть эффективно разрешены без заключения дополнительных международных протоколов. Объективно это усложняет международное сотрудничество Украины в рамках Конвенции о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем. Осуществление экстрадиции должно производиться с учетом обязательств по международным договорам о правах человека, которые не содержат норм об экстрадиции, но объективно ограничивают ее. Государство, в том числе Украина, не вправе осуществлять экстрадицию при наличии угрозы преследования по признаку расы, цвета кожи, политическим, религиозным убеждениям. Основанием для отказа в экстрадиции в данном случае должна быть Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Список использованной литературы

1. Виноградова О. Принципи міжнародного співробітництва у боротьбі зі злочинністю / О. Виноградова // Право України. – 1999. – № 4. – 103 с.
2. Вихрист С. Визначення екстрадиції / С. Вихрист // Український часопис міжнародного права. – 2001. – № 1. – 125 с.
3. Аль-Шбуль М. Договірні відносини держав в питаннях видачі злочинців / М. Аль-Шбуль // Правова система України: теорія і практика : тези доп. і наук. повідомл. наук.-практ. конф. – К., 1993. – 622 с.
4. Киевцев О.В. Роль международных специализированных организаций в борьбе с отмыванием денег / О.В. Киевцев // Предпринимательство, хозяйство, право. – 2003. – № 7. – 91 с.

5. Драпкин Л.Я. Теневая экономика России: понятия, структура, основные направления противодействия / Л.Я. Драпкин, Я.М. Злоченко // Организованная преступность и коррупция: Исследования. Обзоры. Информация. – 2000. – № 2. – 118 с.
6. Биленчук П.Д. Транснациональная преступность: состояние и трансформация / П.Д. Биленчук, С.Е. Ермоков, А.В. Кофанов. – К.: Атика, 2009. – 272 с.
7. Київець О.В. Міжнародно-правове регулювання боротьби з відмиванням «брудних» грошей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Київець. – К., 2003. – 17 с.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/997_619.
9. Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.kuban.ru/private/ekv.htm>.
10. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/030.htm>.
11. Жилин Е.Р. Третья директива ЕС о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма – новый барьер для преступных капиталов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.yust.ru/ru/publications/item.shtml?item_56.
12. Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council of 26 October 2005 on the Prevention of the Use of the Financial System for the Purpose of Money Laundering and Terrorist Financing // Official Journal of the European Union. – L 309. – 87 p.
13. Бойл К. Право на життя відповідно до Європейської конвенції з прав людини (стаття 2) // Європейська конвенція з прав людини: Основні положення, практика застосування, український контекст / К. Бойл ; за ред. О.Л. Жуковської. – К., 2004. – 960 с.
14. Буроменський М. Право на особисту недоторканність // Європейська конвенція з прав людини: Основні положення, практика застосування, український контекст / М. Буроменський ; за ред. О.Л. Жуковської. – К., 2004. – 960 с.
15. Аль-Шбуль М. Новейшие тенденции развития международного права экстрадиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Аль-Шбуль. – К., 1996. – 20 с.
16. Закон України «Про ратифікацію Європейської конвенції про взаємну допомогу у кримінальних справах, 1957 рік, та додаткового протоколу 1978 року до Конвенції». 16 січня 1998 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/44/98-вр>.
17. Статья 26 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/030.htm>.
18. Статья 28 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.kuban.ru/private/ekv.htm>.
19. Пункт «А» статьи 2 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/030.htm>.
20. Статья 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/997_619.
21. Пункт 1 статьи 2 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon.kuban.ru/private/ekv.htm>.
22. Пункт 3 статьи 56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/997_619.
23. Статья 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче от 17 марта 1978 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/098.htm>.
24. Часть 1 Статьи 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче от 17 марта 1978 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/098.htm>.